

2. Европейский прорыв

«Застой», сохранявшийся в отношениях с США, заставил советское руководство искать «обходные пути». Вспоминает Э.Шеварднадзе: «В руководящих, как у нас принято говорить, сферах, возникла даже установка на преодоление перекосов во внешней политике, образовавшихся из-за отношений с США. Была выдвинута идея своего рода обходного маневра — усиление внимания к европейскому направлению, активизации связей и контактов с другими странами мира»²⁶. Горбачев считал, что «в противо-

борстве с США... надо прежде всего добиваться их вытеснения из Западной Европы. Наиболее эффективный способ — это ослабление международной напряженности и взаимный поэтапный вывод американских и советских войск. Для американцев это будет означать возврат за океан; для нас — фактический отвод войск на несколько сот километров за наши границы, где их присутствие все равно будет незримо ощущаться европейскими государствами»²⁷.

Продолжая традиционную для сверхдержав политику ослабления блока противника в Европе, Горбачев решил именно здесь опробовать свое «новое мышление». Несмотря на поражение, которое потерпело пацифистское движение в Западной Европе после размещения здесь американских ракет, оно все же еще сохраняло влияние и опиралось на политическую поддержку социал-демократов. Встречаясь с Г.Брандтом, Горбачев активно поддерживал создание безъядерных зон в Европе. Этот территориальный «сепаратизм», попытка отдельных городов «выйти из НАТО» помогал новой политике СССР получить поддержку общественного мнения на Западе. Давление общественности заставляло европейские правительства занимать гораздо более благоприятное, чем в США, отношение к мирным инициативам СССР²⁸. Левые силы Европы вдохновляло и заявление Горбачева о том, что расхождения во взглядах «не должны мешать взаимодействию коммунистов и социал-демократов по самым главным, самым острым проблемам современности»²⁹. Эти слова ободряли не только социал-демократов и социалистов, но и стремительно правеющие крупные коммунистические партии, прежде всего Италианскую, с которой КПСС еще в 1982 г. вступила в состояние открытого конфликта.

Стремление к сближению с социал-демократией Горбачев подчеркнул и во время визита во Францию³⁰.

На встрече с премьером Италии Б.Кракси Горбачев снова назвал программу «звездных войн» в качестве цены за радикальное ядерное разоружение. «Хочу подчеркнуть, — добавил Горбачев, — что в этом вопросе мы готовы пойти очень далеко»³¹. Это не могло не произвести впечатление на союзников США, еще не оправившихся от волнений, связанных с размещением в Европе новых американских ракет. Стратегия «откола» Европы от Америки проявлялась в высказываниях Горбачева все более открыто: «В той мере, в какой страны ЕЭС выступают как “политическая единица”, мы готовы искать с ней общий язык и по конкретным международным проблемам»³².

Крупнейшим прорывом Горбачева на международном фронте в 1985 г. явился визит во Францию в октябре, где Генсеку удалось очаровать французскую публику своей непривычной для советского лидера живостью. Было решено привлечь внимание французов к визиту беспрецедентным телевыступлением: «Накануне отъезда я дал интервью французскому телевидению. Это был первый опыт прямого разговора руководителя СССР с группой западных журналистов перед телекамерами. Откровенно говоря, не представлял психологическую и интеллектуальную нагрузку беседы, когда ты все время под лучами прожекторов и перекрестным огнем журналистов. Тогда и мне, и многим моим соотечественникам показалось, что французы

вели себя необъяснимо агрессивно, без должного такта, даже неуважительно»³³.

Ключевым понятием нового европейского курса, предложенного Горбачевым, стал «общий европейский дом». Идея «европейского дома» была провозглашена Горбачевым в Париже: «Мы с вами живем в этой Европе... Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие — с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать, налаживать коммуникации в этом доме»³⁴. Горбачев мог гордиться этой красивой идеей, но права авторства тут же были оспорены французским телеведущим: «Голлистский подход?» Конечно, Горбачев не собирался признавать себя последователем де Голля даже в вопросе об общей Европе, и в голосе Генсека зазвучали обиженные нотки: «Не буду сейчас с вами дискутировать насчет того, кому принадлежит приоритет...»³⁵ Но въедливый журналист продолжал атаку на Генсека: «И тем не менее реакция на действия западных стран бывает не одинаковая. В самом деле, когда некоторому количеству сотрудников советских учреждений, которых обвинили в шпионаже, было предложено покинуть Францию, в Советском Союзе не отмечалось особой реакции. В то же время, когда англичане недавно обвинили в шпионаже группу советских сотрудников, реакция с советской стороны была сильной, энергичной. Сложилось впечатление, что советская сторона действует по принципу “око за око, зуб за зуб”. Что же, по-Вашему, есть хорошие и плохие европейцы?» Такое замечание вывело Горбачева из равновесия, и он не нашел ничего лучшего, как огрызнуться: «Я думаю, Вы оставите за Советским Союзом суверенное право принимать решение в каждом случае в зависимости от того, как он считает нужным. При этом мы учитываем и интересы Советского Союза, и общую ситуацию»³⁶. Горбачева спас вопрос о 4 миллионах политических заключенных в СССР. Абсурдность такого утверждения позволила Генсеку скомпрометировать саму тему политзаключенных в СССР: «Это напоминает, знаете ли, геббельсовскую пропаганду. Я поражаюсь, что Вы, господин Мурузи, человек образованный, современный, могли задать такой вопрос. Повторяю: это абсурд»³⁷.

Несмотря на эти неприятные вопросы, главное было сказано — мы хотим дружить с соседями по дому в то время, как этому дому угрожают чужаки из-за океана. «Из-за перенасыщенности вооружениями Европа, как никакой другой континент, уязвима перед лицом вооруженного конфликта, тем более ядерного, — говорил европейцам Горбачев. — Значит, безопасность Европы не может быть обеспечена военными средствами, военной силой.

Это совершенно новая ситуация, означавшая разрыв с формировавшимися веками, даже тысячелетиями, традициями, образом мыслей и образом действий. Ко всему новому человеческая мысль приспосабливается не сразу. Это относится ко всем. Мы это чувствуем, мы начали переосмысление, приведенное в полное соответствие с новыми реальностями многих привычных вещей, в том числе в военной и, конечно, политической областях. Хотелось бы, чтобы такое переосмысление шло и в Западной Европе, и за ее пределами»³⁸. От Европейских проблем Горбачев, таким образом, переходил

дил к идее о необходимости переосмысления всего традиционного миропорядка, к идее нового мышления в ядерный век.

В качестве альтернативы “звездным войнам” и гонке ядерных вооружений Горбачев выдвигал идеи совместных космических исследований и возобновления термоядерного проекта «Токомак». Продолжая повторять, что «наши страны... исповедуют каждая свою идеологию»³⁹ (как будто во Франции, да и в СССР тоже, существовало только по одной идеологии), Горбачев не упускал шанса поагитировать французов за социализм: «Исторический опыт убедил нас: народы России сделали правильный выбор в 1917 году, совершив революцию, уничтожив эксплуатацию, социальное и национальное угнетение»⁴⁰. Но в ответ получил вопрос о судьбе евреев, а также о Сахарове и Щаранском. Ответ Горбачева «на скользкий вопрос» опять был резким и неубедительным для западной общественности: «Я бы сказал так: давайте мы будем в Советском Союзе сами управлять своими делами, а вы во Франции управляйте своими». Затем Горбачев заявил, что положение с социальными правами в СССР много лучше, чем в странах Запада, включая Францию, а в Верховном Совете заседают рабочие и крестьяне. Что касается Щаранского, «он нарушил наши законы, и был за это осужден»⁴¹. С 50-х гг. такая аргументация уже не убеждала во Франции никого, кроме некоторых коммунистов.

И тем не менее перед французами предстал человек, разительно контрастировавший с предыдущей генерацией советских руководителей, напоминавший своей живостью и искренней убежденностью в торжестве социализма не столько Брежнева и даже Андропова, сколько Фиделя Кастро. На Западе заговорили о «стиле Горбачева», но сам он пока отвечал: «Я думаю, нет “стиля Горбачева”... Стиль, который мы культивируем в нашей партии, мы определяем как ленинский стиль работы. Для него характерны такие черты, как широкое общение с трудящимися, гласность в работе, изучение реальных процессов, лежащих в основе формирования политики»⁴². Но, несмотря на свой ленинизм, Горбачев был готов признать за «капиталистической» цивилизацией право на долговременное существование. Более того, в словах Горбачева зазвучали нотки «конвергенции»: «Мы не смотрим на капитализм как на потребительское общество, мы не будем здесь следовать стандартам западного образа жизни. Но то, что полезно, мы используем»⁴³. Горбачев даже выступил за свободу торговли и слова, процитировав французского классика: «Можно рассчитывать, что нам вместе удастся приблизить, хотя бы немного, тот день, когда, по предсказанию Виктора Гюго, “единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей”»⁴⁴. Услышать столь либеральную мысль от Генерального секретаря КПСС ранее было невозможно.

Однако в ходе советско-французских переговоров выяснился и прагматический подтекст рассуждений о грядущей свободе — либерализация торговли была необходима СССР уже сейчас, и по вполне конкретным причинам: «Мы знаем, что и Франция делает упор на развитие самых передовых технологических направлений. Это открывает новые горизонты для

двустороннего сотрудничества»⁴⁵. Ускорение требовало вливания западных технологий.

Горбачев открыто заявил, что его курс будет существенно отличаться от прежнего: «Сейчас, как никогда, нужен активный политический диалог, чтобы снимать наслонения предшествующих лет»⁴⁶. Зримым подтверждением этого стало заявление о снятии с боевого дежурства установленных после июня 1984 г. ракет СС-20, нацеленных на европейские города.

Этому решению предшествовала тяжелая борьба в Москве, кульминация которой пришлась на сентябрь 1985 г., когда Горбачев обнаружил, что поступающие от военных данные не выдерживают западной критики. Министерство обороны выступало против уступок в ракетах среднего и малого радиуса действия, МИД склонялся к тому, что западные данные более объективны. Прессинг западных СМИ, почти незаметный в СССР, эффективно воздействовал на отечественных дипломатов и в конечном итоге на МИД и самого Горбачева. Проигрывая западным дипломатам и журналистам в дискуссиях, дипломаты постепенно вставали на их точку зрения. В свою очередь МИД транслировал западную аргументацию на высшее руководство страны. Но этот процесс развивался медленно, и в Париже позиция Горбачева была еще наступательной.

В вопросе о СОИ Горбачев нашел взаимопонимание с президентом Ф.Миттераном, который прямо заявил: «Уже давно гонка вооружений поднималась на качественно новые ступени и теперь достигла космической ступени. Если разум не возобладал до сих пор, то кто возьмется утверждать, что отныне здравый смысл возобладает... Что касается Франции, то я уже сказал: она не участвует в этом, она не стремится к этому, она хочет посвятить себя мирным исследованиям космоса»⁴⁷. Однако отмежеваться от позиции США по ракетам среднего радиуса действия Миттеран не стал⁴⁸. Горбачев был бы не прочь развить французский успех на британском направлении, что было бы несложно, если учесть симпатию к нему со стороны Тэтчер. Но здесь Горбачеву помешали спецслужбы. В августе британцы вывели на Запад сотрудничавшего с ними сотрудника КГБ О.Гордиевского. Это привело к дипломатическому скандалу, который на несколько месяцев охладил советско-британские отношения.

«Прорубая окно в Европу», советские лидеры не забывали о «своей» доле этой части света, где, по словам Шеварднадзе, существовала «дружба на лозунговом уровне, но никак не на “уровне сердца”»⁴⁹. После Парижа Горбачев отправился в Софию, где он встретился с лидерами государств Варшавского договора.

Это была уже не первая встреча нового Генсека с коллегами из «братских партий». Уже на похоронах Черненко Горбачев собрал восточноевропейских руководителей и сообщил им, «что мы за равноправные отношения, уважение суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах. Признание этих принципов означает одновременно полную ответственность каждой партии за положение в своей стране»⁵⁰. Вероятно, эта формула (в том числе и ее последняя часть) была тогда воспринята как дежурное идеологическое заклинание. Между тем она

означала отказ от так называемой «доктрины Брежнева» и провозглашала новую «доктрину Горбачева» в Восточной Европе. Если режим не справился с собственным народом, он несет за это полную ответственность. Выручать не станем — международная обстановка не позволяет, да и средств на это нет. Через пять лет этот курс приведет к катастрофе Восточного блока.

В апреле состоялась новая встреча в Варшаве, где было принято решение продлить Варшавский договор до 2005 года. В Софии Горбачев решил посоветоваться с коллегами перед встречей с Рейганом. Но речь шла не только об этом. Выступая на закрытом заседании, Горбачев говорил: «Нельзя не видеть того, что в последнее время интеграционные процессы у нас затормозились. Дело в том, что их экстенсивная основа — обмен советского сырья и топлива на готовую продукцию братских стран — в основном исчерпана, а интенсивные факторы не приведены в действие... Чтобы придать этому процессу необходимый импульс, нужно открыть дорогу для прямых связей предприятий, ускорить организацию совместных научно-производственных центров, сдвинуть с мертвой точки и вопрос о ценах на кооперативные поставки... Известно, что СССР по ряду показателей жизненного уровня населения отстает от большинства европейских социалистических стран. Мы воспринимаем проблемы социалистических стран как свои собственные, но вправе рассчитывать на такой же подход с их стороны»⁵¹. Помощь СССР «братским странам» вне Европы составляла 10 миллиардов рублей в год⁵² (не считая расходов на Афганистан). Горбачев сообщил восточно-европейским коллегам о том, что эти деньги теперь нужны в СССР, и рассчитывать на них в будущем не стоит. Это стало еще одним толчком к усилению кредитной зависимости стран Восточной Европы от Запада со всеми вытекающими последствиями. В принципе Горбачев это понимал: «Отсутствие необходимых экономических связей с нами толкает их в объятия Запада... Венгрия, Польша завязли глубоко. Экономическая зависимость заставляет их делать политические уступки. — Это слова Кадыра», — рассказывал Горбачев на заседании Политбюро⁵³. Восточноевропейские лидеры остро критиковали СЭВ: «Ругали его за бюрократизм, за недостаточную эффективность»⁵⁴, — вспоминает Горбачев. Советская сторона была готова идти на реформу этой организации. Восточноевропейские режимы также заверяли о своей готовности идти на реформы. Однако если в Польше и Венгрии давно шли преобразования, которые теперь можно было радикализировать без оглядки на СССР, то в остальных странах блока реального перехода к реформам пока не происходило.

Система европейских союзов ослаблялась не только с западной стороны. Однако у СССР оставался важный козырь, позволявший охлаждать стремление к самостоятельности Чехословакии и Польши, например: «С явного одобрения из-за океана ставятся под сомнение решения Ялтинской и Потсдамской конференций союзных держав, итоги послевоенного развития», — говорил Горбачев⁵⁵. Советский Союз оставался гарантом территориальной целостности восточно-европейских стран и стабильности в них.